

Chr. S. Stang. La langue du livre «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. 1647». Une monographie linguistique («Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo», II. Hist.-Filos. Klasse, 1952, № 1). — Oslo, 1952. 86 стр.

Норвежский ученый проф. Хр. С. Станг, заведующий кафедрой славянских языков в г. Осло, известен как автор ряда монографий в области сравнительно-исторического индоевропейского и славянского языкознания. Для занимающихся изучением истории славянских языков особенный интерес представляют такие работы проф. Станга, как: 1) «Das slavische und baltische Verbum», Oslo, 1942; 2) «Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk», Oslo, 1939; 3) «Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen», Oslo, 1935. Последние две работы посвящены изучению истории белорусского языка по данным письменных памятников. Рецензируемая монография связана с изучением истории русского литературного языка. Уже самый перечень упомянутых работ проф. Станга свидетельствует о его разносторонних языковедческих интересах, о его внимании к изучению восточнославянских языков вообще, истории русского языка в частности. Все три исследования Хр. Станга по восточнославянским языкам основываются на изучении языка письменных памятников, все они сходны по методу изучения. Поэтому прежде всего и остановимся на вопросе о методе изучения материала письменных памятников, принятом Хр. Стангом. По своему типу этот метод ближе всего к тому, который в русской лингвистической литературе получил название «интенсивного» метода.

Как известно, в конце XIX в. вопрос о методах изучения письменных памятников как источника истории языка был предметом горячих споров в русской лингвистической науке. Эмпирический подход к фактам письменных памятников, представленный в работах акад. А. И. Соболевского, сопровождался одновременно и зависимостью автора от власти графических представлений. Отождествление с фонетическими процессами почти всех графических особенностей памятников, которые шли в разрез с традиционными написаниями, затеяло представление о звуковой системе восстанавливаемого говора. Подобное отождествление находим не только в работах акад. А. И. Соболевского, например в его «Очерках из истории русского языка», но и в работах некоторых его учеников.

В отличие от А. И. Соболевского, акад. А. А. Шахматов стремился оживить мертвые знаки буквенных обозначений путем вдумчивых сопоставлений орфографических черт со звуковыми явлениями соответствующих народных говоров и воспроизвести во всех подробностях фонетический строй говора писцов. Развивая свои мысли о методах изучения рукописей, А. А. Шахматов первоначально делает слишком непосредственные выводы на основе показаний светских памятников, относящихся к периоду после XIV в. Определенную переоценку близости памятников позднего периода к живому языку находим из числа последователей А. А. Шахматова у проф. Б. М. Ялпунова, который почти приравняет орфографию изучаемых памятников к фонетической транскрипции. В связи с этим Б. М. Ялпунов страстно отстаивал интенсивное изучение каждой из рукописей, взятой в отдельности. Защиту «интенсивного» метода мы найдем, например, в ответе Б. М. Ялпунова А. И. Соболевскому, который, наоборот, придавал большое значение собиранию интересных форм из разных памятников¹.

По существу, однако, подобное преувеличение роли «интенсивного» метода и противопоставление его методу «экстенсивному» не соответствовало взглядам самого А. А. Шахматова, который не считал возможным на основании одного лишь «интенсивного» метода строить общие выводы о хронологии и разветвлении какого-либо языкового процесса; лишь соединение «интенсивного» и «экстенсивного» методов изучения рукописей может, по мнению А. А. Шахматова, в связи с данными диалектологии и истории ближайших родственных языков, обеспечить изучение исторического развития языка².

Мы остановились довольно подробно на вопросе о методе изучения языка памятников письменности потому, что полемика о двух методах этого изучения является актуальной и для современного советского языкознания. Так, в предисловии к своему новому исследованию «Язык Уложения 1649 года» проф. П. Я. Черных указывает, что он пользуется «экстенсивным» методом, который имеет «...по крайней мере, одно преимущество перед „интенсивным“: благодаря его применению наука получает возможность гораздо более быстрыми темпами и в большем количестве до-

¹ См. Б. Ялпунов, Несколько слов по поводу замечаний профессора А. И. Соболевского, ЖМНП, СПб., 1900, ноябрь, стр. 247—263.

² Ср. статью В. В. Виноградова, посвященную вопросу о методах изучения памятников письменности (В. Виноградов, Методы изучения рукописей, как материала для построения исторической фонетики русского языка, в исследованиях акад. А. А. Шахматова, «Известия Отд-ния рус. языка и словесности Российской акад. наук», 1920, т. XXV, Пр., 1922, стр. 172—197).

бывать то, без чего она не может существовать: факты, фактический материал»³.

Следует отметить, что не все советские исследователи истории языка так решительно предпочитают «экстенсивный» метод «интенсивному». Для большинства советских ученых характерно продолжение и дальнейшее развитие взглядов А. А. Шахматова, заложенных в его работах, посвященных изучению языка памятников письменности. Мы склонны считать, что лишь соединение «интенсивного» и «экстенсивного» методов, связь данных, извлеченных из памятников письменности, с данными диалектологии и истории родственных языков позволяет составить более полное и точное представление о системе языка прошлых эпох и открыть закономерности его развития. Подобный подход характеризует, например, многие докторские и кандидатские диссертации по истории русского языка, написанные под руководством акад. В. В. Виноградова, проф. Р. И. Аванесова, проф. П. С. Кузнецова, проф. Т. П. Ломтева и других советских ученых.

Возвращаясь к исследованию проф. Станга, следует отметить, что хотя оно и носит по преимуществу описательный характер, в нем все же, правда, в немногих случаях, факты изучаемого памятника сопоставляются с фактами других памятников или современного языка. Так, автор суммарно указывает (см. стр. 7)⁴, что с лингвистической точки зрения «Книга о ратном строе» во многом похожа на Уложение 1649 года, а также на сочинение Григория Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича». Сравнение определенных явлений изучаемого памятника с нормами современного русского языка проводится главным образом лишь тогда, когда указываются различия в месте ударения, причем это сравнение сводится по большей части к простой констатации того, что те или иные факты и явления памятника отличны от аналогичных фактов современного языка или сходны с ними.

Следует отметить, что простое частичное соединение «интенсивного» и «экстенсивного» методов, а также сопоставление с отдельными фактами современного живого языка еще не приводит само по себе к определению системы языка, отразившейся в памятнике, еще не открывает действительного исторического движения звуков и форм языка: исследование продолжает носить при этом фактографический характер. По преимуществу фактографическим и является рецензируемый труд проф. Хр. Станга.

Метод изучения языкового материала тесно связан с задачами лингвистического исследования. Во введении автор указывает, что его задачей является дать возможно более точное представление о языке одного текста. Кроме того, уточняя цель исследования, автор подчеркивает, что лингвист не должен изолировать отдельные стороны системы языка от других ее сторон, поэтому он в одно и то же время изучает фонетику и морфологию, элементы синтаксиса и лексики. При этом на первое место им выдвигаются вопросы акцентологии, в данном случае — русское, что связано с преимущественным, в последние годы, интересом автора к вопросам славянской акцентологии (стр. 5). Таким образом, задача работы усложняется. Автор стремится дать систему языка памятника и — шире — систему русского языка эпохи памятника и прежде всего систему ударения русского языка в XVII в. Однако, как будет показано ниже, выполнить эту задачу в полной мере автору помешало то преобладание фактографического подхода, о котором говорилось выше.

И тем не менее появление книги Хр. Станга, несмотря на присущие ей недостатки, является положительным событием в развитии науки о русском литературном языке. В ней собран большой фактический материал, извлеченный из письменного памятника данного языка. Работа по сбору и описанию разнообразных фактов, взятых из рукописных и печатных памятников, занимает важное место в решении задачи научного воссоздания исторического развития русского языка во всех звеньях его структуры. Положительное значение книги Хр. Станга определяется и тем, что она дает в распоряжение историка языка факты по акцентологии — наименее разработанной области русского языкознания.

«Книга о ратном строе» уже была использована в истории русской акцентологии в качестве источника отдельных фактов. Систематически использовал часть материала данного памятника проф. В. Кипарский в книге «О колебаниях ударения в русском литературном языке»⁵. Исследование В. Кипарского посвящено изучению ударения в современном русском литературном языке. Попутно отметим, что под колебаниями ударения проф. Кипарский понимает те изменения в отношении ударения, которые произошли в течение известного исторического периода. Поэтому он приводит факты

³ П. Я. Черных, *Язык Уложения 1649 года*, М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 3.

⁴ Здесь и в дальнейшем в тексте в скобках даны ссылки на страницы обсуждаемой работы Хр. С. Станга.

⁵ В. Кипарский, *О колебаниях ударения в русском литературном языке*. I — Односложные имена существительные («Annuaire de l'Institut finlandais d'études savétiques», supplément I), Helsinki, 1950.

из древних памятников, имеющих знаки ударения на словах. Книга проф. Кипарского представляет интерес для советских языковедов, хотя ее нельзя признать методологически правильной. Исследование Кипарского, несмотря на обилие исторического материала, мало исторично. Оно фактографично, оторвано от исторической действительности развития русского языка. Бедны и случайны примеры из стихотворных текстов нашего времени. Случайность в подборе примеров из современной поэзии создает извращенное представление о советской литературе. Недоступна В. Кипарскому и практика современной живой разговорной речи. Странно, что проф. Кипарский даже не упоминает имени В. А. Богородицкого, давшего классификацию существительных по типу ударения⁶. В то же время он обильно насытил свою работу ссылками на иностранцев, изучавших вопросы русского ударения, даже и в тех случаях, когда эти авторы оказывались совершенно беспомощными в данной области.

Таким образом, подробное описание всех фактов, имеющих отношение к русскому акцентологии, на материале «Книги о ратном строе» мы находим впервые в рецензируемой книге Хр. Станга. Нельзя также не учитывать, что работа Хр. Станга является монографией, посвященной памятнику XVII в. — того исключительно важного периода русской истории, когда в связи с формированием единого всероссийского рынка складываются экономические предпосылки образования русской нации. Общеизвестно, какое важное значение имеет изучение языка памятников XVII в.

Этому периоду в истории русского языка посвящен ряд исследований и отдельных статей русских лингвистов дореволюционного периода. На некоторые из них, например на исследования Л. Васильева по истории звука *ѣ* в московском говоре, ссылается Хр. Станг. Есть в работе ссылки и на широко известное исследование Б. Унбегуна «Русский язык в XVI веке»⁷. Следует отметить, что в связи с интерпретацией отдельных фактов проф. Станг ссылается на книги акад. С. П. Обнорского «Именное склонение в русском языке» и акад. Л. А. Булаховского «Исторический комментарий к русскому литературному языку»⁸. Отсутствуют в работе ссылки на труды советских исследователей по истории русского языка XVI—XVII вв. Это объясняется тем, что работы советских лингвистов, представляющие собою докторские и кандидатские диссертации, посвященные изучению языка памятников письменности, не были опубликованы, хотя отдельные статьи на материале этих диссертаций и их авторефераты и появлялись в печати⁹. Историко-лингвистическая монография П. Я. Черных «Язык Уложения 1649 года» опубликована в 1953 г., поэтому Хр. Станг не мог с ней ознакомиться в период подготовки своего исследования.

Рецензируемая монография состоит из краткого введения (стр. 5—8), кратких замечок по фонетике (стр. 8—10) и синтаксису (стр. 73—83), замечок по морфологии (стр. 10—73) и небольшого словаря (стр. 83—86). Во введении очень кратко охарактеризован тип языка, который, по мнению автора, представлен данным памятником. Этот язык определен здесь как московский официальный приказный (стр. 7). Нельзя не отметить, что такое общее определение характера языка памятника приводит автора в дальнейшем к отождествлению разнородных фактов, к смещению исторической перспективы в оценке развития языка, что прежде всего объясняется отсутствием в подобном определении указания на живую основу языка «Книги о ратном строе». Московский приказный язык, о котором идет речь во введении, являлся одной из разновидностей письменного языка того времени. Эта разновидность письменного языка ближе всего стояла к живому разговорному языку. Однако нет основания их отождествлять. Живой основой языка «Книги о ратном строе, как и других памятников деловой московской письменности XVI—XVII вв., было московское просторечье, несомненно характеризовавшееся своими отличиями от того типа делового языка, основу которого оно собою представляло.

Каждый письменный памятник, а следовательно и «Книга о ратном строе», содержит по крайней мере два ряда фактов. С одной стороны, это уже отжившие элементы фонетической и грамматической системы, это звуки и формы, давно исчезнувшие в

⁶ См. В. А. Богородицкий, *Общий курс русской грамматики*, Казань, 1904.

⁷ В. Unbégun, *La langue russe au XVI-e siècle (1500—1550)*, I, Paris, 1935.

⁸ С. П. Обнорский, *Именное склонение в современном русском языке*, выпуски 1—2, Л., Изд-во АН СССР, 1927—1931; Л. А. Булаховский, *Исторический комментарий к русскому литературному языку*, Киев, «Рад. школа», 1950.

⁹ Здесь можно указать диссертации — докторские: Э. Н. Коротаевой «Союзное подчинение в литературном языке второй половины XVII столетия...» (Л., 1951), М. А. Соколовой «Очерки по языку деловых памятников XVI века» (Л., 1952); — кандидатские: В. А. Робинсон «Из истории условных предложений в русском языке» (М., 1950), Б. И. Косовского «К истории именного склонения в русском деловом языке второй половины XVII в.» (М., 1947), К. В. Горшковой «Из истории московского говора в конце XVII — начале XVIII века. Язык „Писем и бумаг Петра Великого“» (М., 1945) и некоторые другие.

языке, но продолжающие сохраняться на письме по традиции, вследствие преемственности между различными эпохами существования книжного языка в любой его разновидности, в том числе и деловой письменности. С другой стороны, в каждом памятнике письменности имеются факты, в той или иной мере отражающие звуки и формы живого языка своего времени, среди которых могут быть как черты общенародного языка¹⁰, так и диалектов.

Без четкого разграничения фактов двух названных родов возможны ошибки в суждениях о живом языке эпохи на основе показаний письменного памятника. Не избегал ошибок такого рода и автор рецензируемой монографии. Характерно, например, что автору кажется курьезным наличие в памятнике написания *потёрёная* рядом с *потёряная*, не согласующегося, кстати, с его утверждением, что тенденция произносить в безударных слогах *е* вместо *а* наблюдалась в языке памятника только в положении между мягкими согласными. Между тем здесь из двух приведенных написаний одно отвечает орфографическим нормам, второе отражает произношение *а*, изменившегося в *е*, так как изменение *а* в *е* наблюдалось в московском просторечном произношении XVII в. и перед твердыми или отвердевшими согласными, о чем свидетельствуют и другие приводимые автором примеры: ср., кроме *потёрёная*, написание *мбсец* (стр. 8—9).

В разделе фонетики Хр. Станг, указав на большую близость изучаемого текста к современному русскому литературному языку, приводит отдельные, очевидно, с его точки зрения, наиболее яркие, случаи отступлений от нормированного правописания. Обращает внимание, что при этом он объединяет факты весьма различной значимости: отражение аканья и результаты перехода *е* в *о*; факты, отражающие различное звучание *ѣ* и некоторые частные изменения в группах согласных, как, например, в словах типа *лоутчи*. Не делается различия между собственно фонетическими фактами и теми фонетическими явлениями, которые связаны лишь с отдельными словами, т. е. лексикализированы. Так, не следовало бы без оговорок помещать в отдел фонетики различные написания слова *крыло* (*крыло*, *крыло*). Примеры с написаниями *ю*, *у* после шипящих отделены в работе от примеров с написанием *ѣ* во 2-м лице глагола, хотя и написания последнего типа не имеют морфологического значения. В то же время именно написание *ѣ* после *ш* характеризует изменения в качестве самого шипящего звука; написание *же* *ю*, *у* после шипящих связаны с изменением гласного после шипящего и должны быть рассмотрены в связи с фонетическими явлениями древнейшей поры, а также определенными орфографическими нормами того времени (стр. 9—10). Различные орфографические написания слова *дождь* (*дожиса*, *дожиса*, *дождю*) лишь приводятся автором: не раскрывается фонетическая основа этих написаний и поэтому не оправдывается и их появление в разделе фонетики.

В целом в отделе фонетики обращает внимание отсутствие разграничения явлений, относящихся к разным эпохам. Так, не разграничены: отверждение шипящих, которое имело место в общерусском языке более древнего периода и не являлось живым процессом в языке XVII в., а также такое явление, как развитие аканья в русском литературном языке или изменения в произношении звука *ѣ*, относящиеся непосредственно к периоду становления норм русского языка в XVII в. Не разграничиваются и факты, принадлежащие разным диалектам, когда без комментариев приводятся примеры: *лехѣ*, *лѣстѣ*, *дѣстуру*, *мѣккиѣ* (стр. 10).

Думается, что при выборочном изучении фонетических черт следовало бы остановиться на тех элементах фонетической системы, которые в наибольшей степени показательны для понимания живого языка XVII в., лежащего в основе памятника. Более четкая характеристика типа этого языка по данным фонетики облегчила бы и рассмотрение грамматических явлений в следующих разделах. Когда речь идет о возможности выборочного изучения фонетических явлений, то имеется в виду, что исследователь языка может не восстанавливать всех элементов фонетической системы, а остановиться лишь на отдельных явлениях. При этом необходимо, однако, чтобы, во-первых, описание этих отдельных явлений шло с учетом всей системы, а во-вторых, чтобы для специального описания и анализа выбирались такие явления, которые наиболее важны для понимания фонетической системы языка данной эпохи. Автор правильно обращает свое внимание на отражение аканья в памятнике, но не отводит этому важному процессу в истории московского просторечия XVII в. должного места. Он не приводит все примеры из памятника, связанные с отражением аканья, не дает четкой характеристики системы аканья после твердых и после мягких согласных, у него встречаются случаи смешения явлений фонетики и графики — орфографии.

Между тем исчерпывающее освещение этого явления по данным «Книги о ратном строе» позволило бы сделать определенные выводы о характере безударного вокализма

¹⁰ Московское просторечие, по выражению проф. Р. И. Аванесова, являлось лабораторией общенародной основы русского национального языка (см. Р. И. Аванесов, К вопросам образования русского национального языка, «Вопросы языкознания», М., 1953, № 2, стр. 47—70).

в московском просторечии XVII в. В настоящее время по этому вопросу есть разные мнения (которых, впрочем, автор не мог учесть, как об этом говорилось выше). В кандидатской диссертации К. В. Горшкова высказано предположение, что в московском просторечии XVII в. безударный вокализм после мягких согласных характеризовался еканьем¹¹. В монографии П. Я. Черных «Язык Уложения 1649 года» указано, что старомосковское произношение «...характеризовалось еканьем в предударном и вообще начальных неударенных слогах при яканье в заударном положении»¹².

Следовало бы подробнее остановиться и на качестве звука, обозначаемого буквой *ѣ*, так как и «...в этом вопросе не все еще ясно...»¹³. Иного подхода и рассмотрения требует и вопрос о распространении звука *о* на месте *е*, поскольку здесь должна идти речь не о выяснении условий перехода *е* в *о* (фонетический переход *е* в *о* к этому времени давно закончился), а о дальнейшем распространении фонемы *о* после мягких согласных в фонетической системе московского просторечия XVII в. Особую специфику имеет тут вопрос о соотношении норм книжного и живого языка.

Подход к описанию фонетических черт языка памятника, характерный для работы Хр. Станга, связан с отсутствием отчетливой постановки вопроса о соотношении языка письменного памятника и его живой основы. Ясно, что вопросы фонетики становятся весьма существенными, когда ставится задача восстановления живой основы языка памятника, если же эта задача не ставится — анализ фонетического материала до известной степени теряет смысл.

Раздел морфологии в рецензируемой работе начинается с рассмотрения имени существительного. На стр. 20—30 описывается формообразование имен существительных с указанием места ударения при формообразовании. Автор разбирает имена существительные на группы в зависимости от древней темы, характеризовавшей основу существительного (*-о*, *-ја*, *-ја* основы и т. п.). Такая группировка существительных при изучении языка памятника XVII в. вряд ли оправдана прежде всего потому, что здесь уже нет строгого соответствия древнейшей системе склонения. Так, в группу слов мужского рода с темой *-о*, *-ја* попали и такие слова, как *овинъ*, *сръбъ* (стр. 11—12), и очень многие слова из числа заимствованных в позднюю эпоху, как, например: *мушкетъ*, *регемѣнтъ*, *уертѣеъ* и другие. Помещение этих слов в разряд существительных с темой *-о*, *-ја* искажает историческую перспективу развития русского языка в отношении различных его сторон (грамматики, лексики). Кроме того, такое расположение материала не позволяет выделить те типы склонения, которые реально существовали в русском языке XVII в.

Недостаточно разъяснены в книге и соотношения старых и новых именных флексий во множественном числе, как *-омъ/-емъ* и *-амъ/-ямъ* в дательном падеже множественного числа, *-и/-и* и *-ами/-ями* в творительном падеже множественного числа и другие.

В ряде случаев автор совершенно правильно разграничивает явления живого языка, лежащего в основе данного текста, и соответствующие факты письменности [см., например, рассуждение о формах на *-у* в родительном и местном падежах единственного числа (стр. 15) или о графическом значении окончания *-ѣъ* у существительных со старой основой на *-ѣ* (стр. 30)]. Следует признать правильным и целесообразным отрицание славянизмов от форм, характерных для русского языка (см. объяснение звательной формы на стр. 16). В связи с этим можно высказать сожаление, что при рассмотрении форм множественного числа автор главным образом идет лишь по пути подробного описания этих форм.

Отметим кстати, что старинные окончания дательного, творительного и предложного падежей множественного числа в приказном языке XVII в. были уже искусственными. Об этом в памятнике свидетельствуют ошибки, когда флексии старых основ на *-о*, *-ја* появляются у слов, по склонению относившихся к древним основам на *-а*, исконно оканчивавшимися на *-амъ*, *-ами*, *-аъ*. [См. подобные примеры творительного падежа: *мѣры*, *рѣты*, *тебѣи*, *тысящи* и местного падежа: *мѣрегъ*, *рѣтѣъ*, *хорѣмѣъ* (стр. 27)]. Но проф. Станг склонен приписать эти формы живому языку периода написания памятника. Он полагает, что появившиеся в результате конкуренции дублеты *-ами/-ы*, *-аъ/-ѣъ* в словах мужского рода с темой *-о* стали возможными и в словах женского рода с темой *-а* (стр. 27), и рассматривает таким образом формы на *-ы*, *-ѣъ* у слов женского рода как живые, свойственные языку, лежащему в основе памятника. Между тем разграничение книжных и живых форм и более глубокое наблюдение над материалом памятника могло бы дать картину распространения новых флексий *-амъ*, *-ами*, *-аъ* в русском языке XVII в. и тем самым дополнить данные, известные по исследованию проф. П. Я. Черных «Язык Уложения 1649 года» и другим работам по именному склонению XVI—XVII вв.

¹¹ См. К. В. Горшкова, Из истории московского говора в конце XVII — начале XVIII века. (Язык «Писем и бумаг Петра Великого». Автореферат канд. дисс.), «Вестник Моск. ун-та», М., 1947, № 10, стр. 113.

¹² П. Я. Черных, указ. соч., стр. 84.

¹³ См. там же, стр. 214—215.

Автор же лишь делает отдельные частные выводы по разным группам слов, но не сводит их воедино, т. е. снова остается на почве отдельных фактов и не пытается представить систему склонения имен существительных во множественном числе. Лишь при известной систематизации и объединении выводов автора самим читателем выявляется, что окончание *-амь* в дательном падеже множественного числа по данным «Книги о ратном строе» последовательнее всего было известно для слов среднего рода: см. *словомь, плечомь, копьемь* и многие другие (стр. 22); окончание *-омь* для этих слов встречается редко; для них обычным окончанием в творительном падеже является окончание *-ами*, в предложном падеже *-ахъ*, хотя довольно часто и *-бъхъ*. Для слов со старой основой *-ѣ* окончание *-амь* преобладает там, где на него падает ударение. В творительном падеже эти слова знают лишь окончание *-ыми*, за исключением формы *путями* (стр. 29); в местном падеже окончание *-яхъ* также выступает, если оно является ударным.

Примечательно, что слова с суффиксом *-ин-* в дательном, творительном и местном падеже множественного числа представлены только в старых формах (стр. 21). Ср. дательный падеж: *германяномь, християномь*; творительный падеж: *филистимляны, бойры, германяны*; местный падеж: *германьбъхъ, християньбъхъ, бусурманьбъхъ*¹⁴.

От слов мужского рода известны в равной степени и старые и новые формы; чаще других употребляется новая форма в творительном падеже. В отношении этих форм «Книга о ратном строе» представляет как материал, совпадающий с выводами, сделанными П. Я. Черных в книге «Язык Уложения 1649 года», так и отличный от них. Например, полностью совпадают данные о формах от слов с основой на *-ѣ*. Выводы о последовательности движения форм на *-амь, -ами, -ахъ*, о преимущественном распространении этих окончаний в словах среднего рода, данные о наибольшей податливости творительного падежа, отличающейся от выводов П. Я. Черных, смыкаются с выводами Б. И. Косовского в его кандидатской диссертации¹⁵.

Проф. П. Я. Черных в своем исследовании пишет: «Приведенные выше данные Уложения книги, казалось бы, позволяют думать, что в Москве существительные женского рода типа *записи* раньше и больше других подверглись воздействию существительных типа *исена, земля* в рассматриваемом отношении (т. е. в отношении распространения флексий *-амь, -ахъ* во множественном числе. — К. Г.)... Вслед за существительными женского рода типа *записи* новообразования на *-ам* и *-ахъ* появились в склонении существительных мужского рода с основой на мягкий согласный и на отвердевший и только в последнюю очередь — в склонении существительных мужского рода с основой на твердый согласный»¹⁶.

Б. И. Косовский, отмечая заметное преобладание новых окончаний в третьем типе склонения и принимая положение о том, что этот тип склонения мог явиться возможным очагом распространения окончаний *-амь, -ами, -ахъ*, отводит не меньшую роль также существительным среднего рода (типа *дело, поле*), причем «наиболее консервативным» в процессе усвоения новых окончаний, по его мнению, является дательный падеж мужского рода первого типа склонения. Творительный падеж на основании данных Б. И. Косовского можно считать наиболее податливым в этом отношении¹⁷.

Напомним, что Унбегаун в своем исследовании утверждает, что в языке Москвы в первой половине XVI в. в отношении форм на *-амь, -ами, -ахъ* тип-ѣ более консервативен, чем тип-ѡ. Таким образом, имеющиеся выводы по истории именного склонения в целом являются еще противоречивыми и нуждаются в дополнениях по другим памятникам московского происхождения, относящимся к XVII в.

На стр. 31—42 Хр. Станг подробно рассматривает тему о движении ударения при склонении имен существительных. Здесь собран и описан новый интересный материал, необходимый для историка русского языка. Отдельно рассмотрены случаи передвижения ударения на предлог. Было бы лучше, если бы при описании этого акцентологического материала имена существительные были разбиты по типам склонения, соответствующим русскому языку XVII в.

При рассмотрении склонения имен прилагательных (стр. 42—48) автор главным образом интересуется ударением в кратких формах и дает большой список кратких прилагательных, хотя и не исчерпывая при этом материал памятника. Говоря об употреблении кратких прилагательных, автор указывает на распространение сочетания инфинитива с дательным падежом краткого прилагательного: *беседу быти...* (стр. 42).

В обзоре форм полных прилагательных автор справедливо разграничивает формы именительного падежа на *-ой/-ей* и на *-ий/-ий*, определяя последние как славянизмы. Подобное разграничение он проводит и для форм родительного падежа женского рода: *-ыя/-ія...* (славянизмы), *-ые/-ие* и *-ой/-ей* (русские формы); непонятно при этом, почему

¹⁴ Ср. рассуждения об этих формах у Л. А. Булаховского в «Курсе русского литературного языка», т. II (Киев, «Рад. школа», 1953, стр. 143).

¹⁵ Б. И. Косовский, К истории именного склонения в русском деловом языке второй половины XVII в.

¹⁶ П. Я. Черных, указ. соч., стр. 296.

¹⁷ См. Б. И. Косовский, указ. соч., стр. 258.

без каких бы то ни было комментариев даны окончания родительного падежа прилагательных мужского рода: *-ого, -аго, -ого, -яго* (стр. 44).

Судя по приводимым формам, притяжательные прилагательные в краткой форме были живой категорией в XVII в. (стр. 45). Краткие формы сравнительной степени прилагательных в «Книге о ратном строе» употребляются и в функции предиката (стр. 47). В этих случаях прилагательное в сравнительной степени может сопровождаться местоимением *того, сего* в родительном падеже: *подлиннѣ сего сказаніе* (стр. 47).

После прилагательных рассматриваются имена числительные — количественные, порядковые, дробные, собирательные и затем местоимения и наречия (стр. 49—60). Этот обзор важен и полнотой приводимых форм, и наличием указаний на место ударения.

Описанию глагольных форм проф. Станг не уделяет столько же внимания, сколько описанию имени существительного. Нет парадигм спряжения: автор только указывает, что окончания — те же, что и в современном литературном языке. Комментируя дублеты *-ши, -шь, -шь* во втором лице, автор определяет формы с окончанием *-ши* как славянизм, не указывая при этом, что одновременно эти формы являются и более архаическими в целом. Дублеты *-шь* и *-шь* не имеют морфологического значения. В описании материала интересны разговорные формы: *худѣ хдѣш, похобѣт, захобѣш*. Но, к сожалению, автор приводит их рядом с *похобѣтѣ, хобѣшѣ, хобѣши* как равнозначные, безо всяких оговорок (стр. 61). Существенен материал из области ударения глагольных форм: списки глаголов с подвижным и неподвижным ударением (стр. 61—62), указание на широкое распространение глаголов с ударенной темой *-и* типа *взбудѣтъ, деросѣтъ, положѣтъ* и др. (стр. 63), констатация преимущественного сравнительно с современным русским языком распространения глаголов на *-ава, -ава* типа *припѣдѣвали* и с итеративным значением типа *бывѣл, трусѣлся* (стр. 65—66).

При описании причастных форм автор интересуется главным образом местом ударения в этих формах. Он указывает, что суффикс *-анный* под ударением является, возможно, славянизмом в том случае, если форма потеряла свой глагольный характер: *основѣнную причину*. Для изучения вопроса об ударении интересен весь материал о причастиях (стр. 66—71).

В заметках по синтаксису автор приводит отдельные синтаксические конструкции без достаточного их анализа, например инфинитив с именительным падежом: *зимѣ прожити* (стр. 73), инфинитив с дательным падежом: *быти... плотникомъ* (стр. 74), винительный падеж при отрицании: *совѣтъ свой недаю* (стр. 74), творительный предикативный: *учинѣтъ ебѣ похвалѣмъ барабанникомъ* (стр. 75); он приводит случай употребления предлога *въ* с винительным падежом множественного числа при обозначении профессий лица: *...или в капитанѣ ... поставитѣ*; рассматривает случаи употребления некоторых предлогов, например: *межѣ, после, кругом, по, на*. Более подробно рассматриваются сочетания числительных с существительными мужского, женского и среднего рода (стр. 78—83). Выбор синтаксических фактов случаен и не стоит в связи с попыткой представить какую-либо часть синтаксической системы.

В конце исследования имеется небольшой словарь. Помещенные здесь слова выбраны случайно, на что указывает и автор работы (стр. 83).

Подводя итог всему сказанному, следует признать, что книга проф. Хр. Станга содержит разнообразный материал, извлеченный из памятника русского языка XVII в. Книга будет полезна историкам русского языка именно этим фактическим материалом, особенно данными, имеющими значение для истории русского ударения. Однако исследованием охвачен, к сожалению, не весь материал, не все факты памятника. В том случае, когда те или иные примеры казались автору мало интересными, совпадающими с аналогичными фактами современного русского языка, Хр. Станг приводит их неполно.

В целом изложение материала представляется нам недостаточно углубленным и не отвечающим всем тем методологическим требованиям, которые можно предъявить в настоящее время к лингвистической монографии, посвященной изучению языка памятника письменности. Здесь нет четкого разграничения фактов живого языка и языка деловой письменности, не охарактеризован определенно тот живой язык, который лежит в основе памятника. В работе нет достаточно развернутой оценки извлеченных из текста фактов, не создается представления не только о системе языка XVII в., но и о системе языка данного памятника. Не систематизированы и многочисленные факты, свидетельствующие о системе русского ударения XVII в., хотя характер приведенных фактов свидетельствует о необходимости новых исследований по истории русского ударения.

В последние десятилетия, вследствие хозяйничанья Н. Я. Марра и его «учеников» в области теоретической лингвистики, не появилось исследований по акцентологии. Представителями «нового учения» о языке подобные работы рассматривались как чисто «формалистические». Лишь в работах Л. А. Булаховского уделялось внимание фактам по акцентологии как русской, так и других славянских языков.

Выход в свет труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», в котором получили дальнейшее развитие и конкретизацию важнейшие положения марксистско-ленинской науки о языке как исторической категории, поставил перед языковедами

задачу научного воссоздания исторического развития языка во всех звеньях его структуры, в том числе и в области акцентологии. При решении вопросов русской исторической акцентологии внимательное отношение к данным памятника должно быть дополнено исследованием ударения в современных говорах. «Проверка современных наблюдений точным изучением системы ударения отдельных памятников, проверка показаний памятников современными наблюдениями — одинаково необходимы...»¹⁸. Подобная работа должна строиться на широком фоне сравнительно-исторического изучения прежде всего фактов славянских языков, а также с привлечением данных из других родственных индоевропейских языков. От такого сравнительно-исторического плана отказался, к сожалению, автор рецензируемой монографии.

К. В. Горикова

О НОВЫХ КНИГАХ ПО КУЛЬТУРЕ РЕЧИ

В течение 1952—1953 годов наши областные и государственные издательства выпустили несколько брошюр, посвященных культуре речи: Б. Н. Головина «О культуре речи», В. Д. Кудрявцева «Культура речи» и Н. Н. Стаховского «Вопросы культуры русской речи»¹. Само появление этих книг показательное: оно свидетельствует о том, что назрела необходимость создать хорошее научно-популярное пособие, которое соединило бы общедоступность изложения с научной точностью и правильностью освещения вопросов языковой нормы. Как же выполняют эти требования рецензируемые книги?

Прежде всего, следует указать на общий их недостаток, присущий и ранее выходившим работам по этим вопросам: в брошюры включены разделы, которые по существу не имеют прямого отношения к основной проблеме, сформулированной в их заглавиях, — к культуре речи. Во-первых, все рецензируемые книги включают разделы о богатстве русского языка, о его выдающихся качествах, силе, выразительности, о его мировом значении и т. п. Однако общая характеристика русского языка, в большинстве случаев представляющая собой подборку цитат из высказываний классиков марксизма-ленинизма и русских писателей, имеет лишь косвенное отношение к тому вопросу, который должен быть основным для авторов этих книг, т. е. к вопросу о путях овладения нормами литературного языка и выработки навыков хорошей, выразительной речи. Во-вторых, авторы часто включают в свои работы разделы, посвященные таким вопросам, которые уведут читателя далеко в сторону от основной проблемы. Особенно ярко это проявляется в брошюре Н. Н. Стаховского, в которой 70 страниц (из общего количества 140) занимает раздел «Методы умственного труда и способы работы над содержанием и формой письменной речи». Раздел этот содержит ряд методических указаний по работе над книгой, по подготовке к докладу и самому выступлению с докладом и т. д.; автор излагает здесь правила чтения книги, говорит о том, что мешает успешному восприятию прочитанного, о способах обработки изучаемого материала (составление выписок, планов, конспектов, тезисов и т. д.). Значительное место отведено описанию методов умственного труда классиков марксизма-ленинизма, их работы над книгой. Ясно, что все это не имеет непосредственного отношения к культуре речи, т. е. к умелому, свободному, творческому владению словарными, грамматическими, орфоэпическими, стилистическими нормами литературного языка.

В книге Б. Н. Головина много говорится о правдивости, искренности, честности речи. Это тоже не имеет прямого отношения к проблемам культуры речи как к проблемам собственно языковым.

Итак, один общий недостаток разбираемых книг по культуре речи — насыщение их материалом, не имеющим прямого отношения к поставленной проблеме. Другой, тоже общий их недостаток — отсутствие четкого определения самого понятия «культура речи», всего круга встающих здесь проблем. Авторы всех названных книг много пишут о «правильном» и «неправильном» в языке, но ни один из них не подходит к понятию

¹⁸ А. Шахматов, К истории сербско-хорватских ударений, Варшава, 1888, стр. 1.

¹ Б. Н. Головин, О культуре речи. Научно-популярный очерк. Вологда, Вологодск. обл. изд-во, 1953, 93 стр.; В. Д. Кудрявцев, Культура речи, Иркутск, Иркутск. обл. гос. изд-во, 1952, 53 стр. (Науч.-попул. б-чка); Н. Н. Стаховский, Вопросы культуры русской речи, Киев, «Рад. школа», 1952, 142 стр.